

Если их разлучить,
они просто перестанут
существовать.

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ВОЛЧИЦА
НЕЖНАЯ МОЯ

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Владимир Колычев

Волчица нежная моя

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Волчица нежная моя / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2015

Бизнесмен Гордеев живет в своем загородном доме с женой Лерой. Как бы любовь. Как бы идиллия. Но у каждого из супругов есть свои «скелеты в шкафу». И вот наступает время, когда все начинает рушиться и семья оказывается на краю пропасти. Лера признается мужу в измене. Гордеев стремительно теряет свой бизнес. Следователь из прокуратуры вымогает взятку. Все плохо. И выхода, кажется, нет. И тогда Гордеев задает себе вопрос: так что же случилось? Это стечение обстоятельств или же чей-то тщательно проработанный план? Пистолет ложится в его ладонь как влитой. Это – последний аргумент. Но достаточно сильный, чтобы спасти семью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Колычев

Волчица нежная моя

© Колычев В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Тихо над рекой: камыш не шелохнется, голавль из воды не выплеснется, лягушка с камня не спрыгнет, даже птицы в прибрежном ивняке примолкли. Ветер, казалось, втянул в себя энергию земли, усмирив на ней все живое, и поднялся вверх, к облакам, – крутить, мудрить, баламутить. Невидимые руки небесного мастера вцепились в большое пепельно-седое облако, будто в ком теста, сузили вверху, расширили внизу, вытянули дужку – вышло подобие кувшина, из которого показался джинн в чалме и с бородой. Закудрявилось облако, вспучилось, завихрилось – кувшин превратился в карету, откуда-то вдруг появились пушистые, в серых яблоках лошади, запряглись, помчали. Джинн исполнил желание, но царскую карету могли поглотить грозовые тучи, наползающие с юга, и ветер ее спасал – тащил к расщелине меж гор-облаков, откуда веером рассыпались косые солнечные лучи.

Затишье перед бурей не будет долгим, ветер прохладными струями спустится на землю – наведет рябь на воду, взобьет волну, с шорохом причешет камыш; зашелестят листья на ветках деревьев – сначала весело, радуясь дыханию жизни, а потом тревожно, с опаской. Ветер срывает листья, буря ломает ветки, ураган выкорчевывает деревья – как будет сегодня, одному Богу известно. Может, гроза пройдет стороной или над головой, но вхолостую – дунет ветром, прыснет мелким дождем, а громом и молнией даже не пугнет. Но не стоит пытаться судьбу надеждой на лучшее, нужно готовиться к худшему, а там как повезет.

Высокий, средних лет мужчина в шуришашей непромокаемой куртке поднял удочку, поймал поплавок, мягкими, непривычными к физическому труду пальцами снял с крючка выполощенного водой червяка, с безотчетной брезгливостью сбросил его себе под ноги. И гроза надвигается, и клева совсем нет, хоть бы какого пескарика за два-три часа поднял... Да и не перед кем похвастаться уловом: сын в Лондоне на летних каникулах, у жены аврал на работе – в субботу приходится работать, а кастрированный и зажратый Перс даже царской стерлядке рад не будет, ему только «Вискас» для котят подавай.

Михаил Викторович Гордеев не считал себя заядлым рыбаком, и улов как таковой его не интересовал, но все равно обидно – столько времени простоять на берегу и ни разу не испытать хоть и мелкий, но вполне осязаемый восторг в тот момент, когда удочка содрогается под тяжестью бьющейся на крючке рыбешки. Не повезло ему сегодня, но впереди еще много таких субботних деньков, а река всего в каких-то трех-четырех сотнях шагов от дома – спустился по тропке с косогора, забросил удочку и тихо радуясь в гармонии с природой. Рыбалка успокаивает нервы, выветривает осадок с души, просветляет сознание и облегчает восприятие жизни.

Гордеев одолел подъем, обогнул ракушечник, за которым начинался сварной, кое-как выкрашенный в черное забор вокруг коттеджного поселка. Солнце скрылось за тучами, в спину подтолкнул ветер, всполошенно зашелестела листва, а по тропинке косо наперерез проползла, туго извиваясь, черная змея – длинная, толстая. Гад полз быстро, видно, спешил укрыться от непогоды в своей норе, но один только его вид внушал страх – мистический, парализующий. У Гордеева онемело в груди – как будто змеиный яд передался воздушно-капельным путем и попал в кровь через само сознание.

От испуга он оправился быстро, но под впечатлением оставался до самого дома; все время, пока шел по асфальту к своим воротам, смотрел под ноги, как будто на пути снова могла появиться змея. Четыре года он жил в этом поселке, сколько раз бродил в окрестностях и даже ужа ни разу не увидел, а тут гадюка – черная, страшная. Вдруг это знак свыше – такой же предупреждающий, как надвигающаяся гроза?..

Гордеев любил свой дом – большой, красивый, фигурный, под коричневой черепичной крышей, в светлой минеральной шубе, на высоком фундаменте из крупного цельного камня. Английские газоны коротко выстрижены – никакая змея в них не спрячется, если где-нибудь

под кустом кольцом не свернется. Мощенные гранитом дорожки тускло поблескивали в рассеянном свете, они сами змеились, огибая дом, в оперении темнохвойных елей тянулись, разветвляясь, к пруду в одном углу заднего двора и к двухэтажной сауне – в другом. К своим сорока четырем годам он построил три дома, и только этот устраивал его по всем статьям, особенно в первое время. Человек сам по себе натура непостоянная, и от жизни он требует изменений – понятное дело, в лучшую сторону; и если это прихоти, то происходят они от природы вещей, с которой не поспоришь. И если есть возможности, то такие изменения должны происходить; во всяком случае, Михаил Викторович был уверен в этом. А возможности, надо сказать, имелись, поэтому в планах у него выстраивался проект покрупнее и побогаче, с бассейном не только в сауне, но и в самом доме. И чтобы прислуги побольше...

Но пока его материальные данности жили в гармонии с потребностями, и он доволен был существующим положением вещей. И экономка его также вполне устраивала – миловидная женщина, лет пятидесяти, с небольшим излишком веса. Светлые волосы собраны в тугую косу и уложены вокруг головы, взгляд улыбочивый, но тусклый, как будто отстраненный. Так же и ее прошлая жизнь, казалось, была уложена в архив, а взгляд загорался только под воспоминаниями о том, как она была в ней счастлива. Три года назад Таисия Степановна потеряла мужа, и с тех пор ей приходилось заставлять себя держать спину ровно, а голову – высоко. А по вечерам после работы она садилась на кровать в своей комнате, опускала плечи, склоняла голову и погружалась в воспоминания, тем и жила.

– Валерия Павловна звонила. – Экономка улыбалась неярко, но искренне. – Сказала, что будет к ужину.

Гордеев кивнул. Он и не рассчитывал застать жену дома, да и не скучно ему будет без нее. Сегодня у него свободный день во всех отношениях – и с женой не нужно время проводить, и друзей развлекать не придется. Не будет вечером гостей, и они сами с Лерой никуда не пойдут. Выпьют за ужином по бокалу вина и разойдутся по своим комнатам. У него танковый бой в компьютере, у нее книга, за которой не скучно...

* * *

Гречневая каша с маслом, яйцо всмятку, пара горячих бутербродов с сыром и ветчиной, крепкий кофе – неплохое начало дня. Можно было бы добавить еще пару бутербродов в поджаристой хрустящей корочке и с той же сытной начинкой, но проблема с лишним весом уже давала о себе знать. Рост у Михаила Викторовича – метр восемьдесят шесть, а вес – сто семь килограммов, и живот более чем заметный. Зато Лера могла съесть и свой и его завтрак разом и ни на грамм не поправиться, конституция у нее такая – мечта любой женщины. И фигура для тридцати девяти лет более чем: узкие плечи с точеными ключицами, тонкие нежные руки, стройные длинные ноги с изящными лодыжками. Грудина, правда, немного впалая, бюст всего лишь первого размера, тазобедренные кости широко разошлись после родов...

– Тебя подбросить или сама? – спросил Гордеев, глядя, как в чашке над кофейной гладью завихряются дымки.

Он не увидел, как Лера посмотрела на него, но почувствовал ее взгляд – удивленный, с потаенной едкой насмешкой.

Давно уже канули в Лету те времена, когда они отправлялись из дома на работу в одной машине, сейчас у них у каждого своя «каре́та», причем у него – с персональным «кучером». Они давно уже не зависят друг от друга – ни в материальном, ни моральном плане. Впрочем, их семейная жизнь была серой и скучной изначально – так уж у них повелось, как это ни печально осознавать.

– Я сегодня допоздна буду, – сказала она и отстраненно посмотрела в окно.

Гордеев понимающе кивнул. У Леры своя туристическая фирма, вполне успешная, у нее и зимой много работы, а летом, с началом курортного сезона, просто завал... Во всяком случае, она так говорила, а он старался ей верить.

– А ты? – спросила она, скользнув по нему взглядом, в глубине которого при желании можно было уловить притихшую тоску.

– Не знаю.

И у него была своя компания – строительное управление в комплексе с заводами, на которых производились железобетонные конструкции, сухие смеси, кирпич и прочее. Он уже многого добился, и перспективы на будущее хорошо просматривались – дело на более высокий уровень вывести, новый дом поставить, любовницу сменить, а то Рита уже ничего, кроме оскомины, не вызывает. А еще лучше – с Настей снова сойтись...

– Ярославу позвони, если не затруднит, – сказала Лера, делая над собой усилие, как будто сдерживала вздох.

– Да, конечно.

Он первый поднялся из-за стола, посмотрел на жену, прощаясь с ней на целый день. Она у него хорошая, добрая, заботливая, даже симпатичная на внешность, но пресная, без изюминки – скучно с ней и постно. И раньше так было, и сейчас – за двадцать лет ничего почти не изменилось. Привык он к Лере, притерпелся, и раздражать она его перестала, но вряд ли это можно было назвать достижением. Не любил он ее...

Настю любил. Все двадцать лет любил. Столько воды с тех пор утекло, как они стали близки, Настя очень изменилась – волосы уже не такие роскошные, как прежде, истончились, поредели, морщинки на лбу появились, кожа лица обрюзгла, как ни прихорашивайся, грудь обмякла, тело жирком поросло, для своих лет она выглядела не так хорошо, как Лера. Но одну женщину он любил, а другую всего лишь терпел, хотя и без всякого насилия над собой.

А Лера действительно хороша. Волосы всегда были ее коньком – густые, ровные, приятного пшеничного цвета и блеска; время, как ни пытались, не смогло испортить их. А с кожей и вовсе интересно, если раньше она казалась сухой, местами шершавой, то сейчас ее тело стало куда более приятным на ощупь. Немолодая у нее кожа, но все еще нежная, гладкая и даже упругая; может, это и ненадолго, но пока все в лучшем виде.

Лицо у нее широкое, скуластое, но черты гармонизируют с такой формой. Тонкие, красиво изогнутые брови, маленькие, но яркие изнутри глаза, узкая переносица, изящно подрезанные ноздри, губы сочные, четко вычерченные, но не чувственные... И линии лица не волнующие, не просматривалась в них эротическая магия, не чувствовалась сексуальная наэлектризованность... Вроде бы и симпатичная она, даже милая, но при всех своих плюсах Лера воспринималась как один сплошной минус. Если может быть недостаток, лишенный изъянов, то это про нее...

И уезжал он чуть раньше, чем она; Лера проводила его до порога, там он ее поцеловал – сухо, коротко, ритуально. От нее приятно пахло французскими духами, кожа и волосы, помимо всего, обладали своим природным, довольно-таки приятным ароматом, но голова у него кругом не пошла. Вот если бы на ее месте была Настя...

Двадцать минут до городской черты, примерно столько же забрали лабиринты улиц с их перекрестками, светофорами, нервными очередями автомобилей. Но время пролетело незаметно – за отчетом, который Гордеев должен был просмотреть за выходные. Сколько сделано, как и куда потрачено, какая выгода, в чем просчеты – все нужно просмотреть, во всем разобраться. Любая упущенная мелочь могла обернуться в будущем большой бедой, и он все это прекрасно понимал, поэтому не торопился. И в офис зашел походкой обремененного делами человека; в голове крутились мысли, а на свою секретаршу он глянул глазами бухгалтера, соизмеряя ее работоспособность с начисленной зарплатой. И только в кабинете, когда Элеонора зашла к нему, глянул на нее как мужчина на женщину. Симпатичная девушка, светлоглазая,

белозубая, тонкостанная, но изюминка в ней слишком сладкая, приторная, даже пробовать не хотелось. К тому же Гордеев не жаловал служебные романы: вкус в них есть, но, как правило, не хватало перчика и соли, а еще опасное это дело – крутить любовь с подчиненной. Взять ту же Элеонору, он располагал только анкетными данными, а без подноготной точного представления о ней не составить. Вдруг ее конкуренты внедрились, может, она уже и заявление об изнасиловании составила, только случая ждет, когда можно будет пустить его в ход. Стоит Гордееву переспать с ней, как все закрутится, а примеров тому немало, уж он-то научен – к счастью, на чужом опыте. Сам он в таких делах старался проявлять осторожность, потому до сих пор на плаву, а грехов за ним ох как много. Это сейчас он просто бизнесмен, а раньше в городской администрации с чиновными полномочиями заседал, и не счесть, сколько скользких дел через его руки прошло...

Элеонора смотрела на него, как будто впервые увидела. Не ожидала его здесь застать, зашла в кабинет, а он там, как явление свыше, хоть челом бей. Это игра такая, и она не скрывала этого. Оживила, так сказать, рабочий момент.

– Да, можешь подать кофе, – усмехнулся он, открывая папку.

Неплохо было бы выкурить сигару в честь начала нового рабочего дня, но тогда на обычный табак потянет, а он бросил, четвертый месяц пошел. Самый сложный этап уже преодолен, дальше будет проще, а стоит сорваться, снова придется ломать себя, насиловать волю, принуждая ее к повиновению.

– Михаил Викторович, там из Следственного комитета, – растерянно хлопая удлиненными ресницами, пробормотала девушка.

– Что?! – сошел с лица Гордеев.

Перед глазами вспучилось пепельно-седое облако – в спасительном бегстве от грозовых туч, в трескучих кадрах кинохроники проползла змея, пушечными раскатами отзвучал гром, сверкнула молния. Все это было позавчера как дурное знамение, а сегодня грянуло.

В кабинет с оглядкой зашел сухопарый сутулый мужчина с обритой наголо головой. Есть люди, которым очень шла такая стрижка, незванный гость в их число точно не входил, но, по всей видимости, он не знал другого способа, как спрятать широкие и глубокие залысины. Волосы у него пробивались только по бокам, а в центре – сплошь блестящая, лоснящаяся от пота гладь без намека на щетинку.

Он остановился на середине кабинета, снова оглянулся по сторонам, как будто по углам здесь мог кто-то прятаться. А оглядывался он как-то странно – медленно крутил головой, а глаза оставались неподвижными. И сам взгляд у него был как у человека, который не столько всматривается, сколько вслушивается. Казалось, его интересовал не только хозяин кабинета, но и настроение, которое гость создавал своим присутствием. Возможно, мужчина чувствовал страх, который он возбудил своим появлением. Может, именно для этого он сначала отправил вперед секретаршу, а потом уже зашел сам.

Сутулый сделал еще несколько шагов, остановился, неторопливым, но уверенным движением выдвинул из-за приставного стола ближайший к Гордееву стул, но сесть не решился, хотя и разрешения спрашивать явно не собирался.

– Гордеев Михаил Викторович? – спросил он и, не дожидаясь ответа, представился. – Майор Сотников, городское управление Следственного комитета по Российской Федерации.

– Очень интересно, – выдавил из себя Гордеев.

Сотников старался следить за собой – и лысина в полном порядке, и подбородок выбрит гладко, до синевы, даже на расстоянии угадывался запах недешевого одеколona, белая рубашка на нем чистая, воротник накрахмаленный и отглаженный, на черных брюках – бритвенной остроты стрелки, туфли начищены до блеска. Но если присмотреться, можно было заметить волосинку, выглядывающую из широкой, чуть вывернутой наружу ноздри. Ногти на пальцах руки чистые, без грязевых отложений под ними, но их не мешало бы подстричь. Рубашка засти-

ранная, воротник истонченный с заметными потертостями на нем, и брюки повидали виды. На правой руке у него красовались командирские часы на старом, затасканном ремешке.

– Не думаю, что вам понравится, – не сводя с Гордеева глаз, покачал головой Сотников.

Он медленно, неторопливо сел на стул, сделал движение тазом и спиной, будто вжимаясь в него или даже вращая, вопросительно глянул на Элеонору. Михаил Викторович нервно махнул рукой, выставляя секретаршу за дверь. Действительно, нечего ей здесь уши греть.

По нервам у него бежал колкий, раздражающий ток, в душу, проникая в кровь, забрался леденящий холод, сначала мелко задрожали руки, затем задергалась нога. Он знал свои грехи, а Сотников, пристально глядя на него, как будто ждал, когда он сам громогласно откроется в них. У Гордеева вдруг зачесались руки – так вдруг захотелось схватить следователя за его тонкую шею и задушить, лишь бы избавиться от этого невыносимого, продирающего насквозь взгляда. Но не схватит он, не задушит – сам себя остановит: и страшно убивать, и не приучен он к этому. К тому же Сотников только на вид тщедушный, а взгляд у него как у сильного, уверенного в себе человека, и приемами самбо он, скорее всего, владеет неплохо. Но главное, за ним стояла система правосудия – громоздкая, неповоротливая, но ее не обойти, не объехать, и не собрать костей, если она вдруг навалится всей своей неподъемной массой. . .

– Ну почему же не понравится? – выдавил из себя Гордеев. – Вины за мной никакой нет, и я рад буду это услышать.

Сотников усмехнулся, как человек, восхищающийся нахальством собеседника.

– Вину вашу, Михаил Викторович, установит суд, – выдержав паузу, сказал он. – Он же установит вам и срок.

Он смотрел на оппонента в ожидании встречного вопроса, но Гордеев молчал, изображая непонимание.

– Глубоко я копать не буду, а то разговор у нас растянется до бесконечности. Я затрону всего лишь один эпизод из недавнего прошлого, а именно – государственная доля в Долгопольском спиртоводочном заводе, которую вы, Михаил Викторович, продали по цене в два раза ниже рыночной стоимости. По самым приблизительным подсчетам государство потеряло восемьдесят миллионов рублей. . .

– Я продал? – Гордеев нервно сунул руку в карман, достал оттуда носовой платок и промокнул им взмокший вдруг лоб.

– Сделку проталкивал губернатор при поддержке начальника департамента государственной собственности, но подпись под договором купли-продажи ставили вы. Или вы будете это отрицать?

– Ну, подпись я ставил. . . Но продавал не я. . . э-э, продавало государство.

– Продавали вы, Михаил Викторович. И продали вы государство. Продали государственные интересы, на страже которых вы должны были стоять.

– Это все слова, – Гордеев кашлянул, распуская узел галстука, который превратился вдруг в удавку.

Увы, но Сотников бил не в бровь, а в глаз, правда, он слегка ошибался – на самом деле сделку проталкивал сам Гордеев, он же уговорил начальника департамента государственной собственности продать пакет акций по бросовой цене, сам организовал оценку предприятия, провернул куплю-продажу. А получив свой куш, уволился и самолично возглавил строительную компанию, которую когда-то создал под себя. Не успел он уйти со службы, как в областной администрации началась большая чистка. Новый губернатор поднимал дела против неугодных ему и явно нечистых на руку чиновников, и Михаил Викторович мог попасть под эту метлу. И если бы под него копнули, нашли бы много зарытых собак. Но не копнули, поскольку он ушел сам.

Еще совсем недавно он хвалил себя за предусмотрительность, свойственную людям большого ума и острого чутья, но, как вдруг оказалось, радость эта была преждевременной. Все-

таки копнули под него, отрыли волчью яму, Сотникову осталось только толкнуть, и он полетит на острые колья. Бывший губернатор и сейчас в силе, у него связи с криминалом, а проблемы ему не нужны. Он мог позаботиться о том, чтобы Гордеев унес и свою, и чужую вину в могилу. На самом деле все очень серьезно...

– Там, где слова, там и факты, – недобро глянул на него Сотников.

– Например?

– Я могу выписать вам повестку, вызвать вас на допрос, предъявить обвинение, представить доказательства... Вам это нужно? – Следователь хмурил брови, изображая гнев правосудия, но из груди Гордеева вырвался облегченный вздох.

Ни повестки не было, ни привода, возможно, даже дело не возбуждалось, но все будет, если Сотников не получит отступного, а именно за ним он и пришел. А он его получит: деньги для этого есть – их настолько же много, насколько мало желания отправляться за решетку...

Глава 2

Стальные наручники с глухим стуком защелкнулись на запястьях, панические мысли крест-накрест пронзили сознание, перечеркнув уверенность в благополучном исходе. Сотников оказался жестоким обманщиком и провокатором, он подло ухмылялся, торжествуя глядя на жертву своего коварства. Один следователь пересчитывал деньги в присутствии понятых, другой составлял протокол, который те должны были подписать.

Гордеев дал следствию взятку, но взяли его самого – с поличным. А деньги серьезные – двести тысяч долларов, но это такая мелочь по сравнению со свободой, которую он так и не смог купить. Холодная сталь наручников обжимала запястья, обида держала за горло, досада давила на грудь, злость на судьбу заставляла скрипеть зубами. Он сделал все, как надо, узнал, кто такой Сотников, навел справки о его компетенции – так и оказалось, Следственный комитет заинтересовался департаментом государственной собственности, вышел на Гордеева, поднял информацию о спиртоводочном заводе. От Сотникова зависело, возбуждать уголовное дело или нет, поэтому и возникла ситуация, исход которой, казалось, можно было решить за взятку. Вроде бы обычное дело, а как обернулось – арест, наручники, унижение в присутствии понятых, а впереди еще столько мытарств...

– Как же так, Михаил Викторович? Привыкли считать, что в этом мире все продается, все покупается, – не удержался от злорадства Сотников. – Я думал, вы ко мне с покаянием пришли, а вы деньги принесли. И как прикажете к этому относиться? Может, это и есть своего рода покаяние? Осознание, так сказать, всей тяжести собственной вины?

Гордеев молчал, угрюмо глядя на глумящегося подлеца. Сотников находился в своем лесу, в окружении таких же волков, как и он сам, словесная дуэль с ним ни к чему хорошему не приведет, поэтому лучше держать язык за зубами – в ожидании адвоката, который, возможно, даст дельный совет. Есть у него на примете отличный специалист по этой части, берет он, правда, много, но, как показывает жизнь, хорошее дешевым быть не может.

– Статья двести девяносто первая, пункт второй, дача взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий, лишение свободы до восьми лет, – все так же злорадно улыбался Сотников, его пальцы с криво состриженными ногтями неосознанно поглаживали компьютерную «мышку».

Гордеев угрюмо кивнул на тяжком выдохе. Уголовный кодекс для него – темный лес, но двести девяносто первую статью он знал наизусть. Действительно, срок наказания – до восьми лет лишения свободы, но можно было отделаться штрафом. Одна тысяча минимальных размеров оплаты труда – сумма весьма и весьма, но свобода куда дороже...

К этой статье имелось еще и примечание, под которое попал сам Сотников. Гордеев получил предложение, от которого не смог отказаться, на юридическом языке это называлось вымогательством взятки со стороны должностного лица. Вымогал Сотников, и наказать должны были его, а Гордеева – освободить от уголовной ответственности. Но предложение делалось на эзоповом языке – иносказаниями, намеками, жестами, несвязными шестизначными цифрами на стикерах, – поэтому суд не станет рассматривать запись разговора как доказательство...

– Но дело не в самой взятке, это всего лишь камушек, который вы, Михаил Викторович, катнули с вершины своих грехов. Это камушек вызовет лавину из ваших прежних грехов. Вы дали взятку, значит, вы признали свою вину! – Сотников пронзительно смотрел на него, постукивая по столу «мышкой».

– Я не давал вам взятку, я вернул вам долг! – растормошился Гордеев. – И я прошу занести это в протокол!

Не должен он был это говорить в отсутствие адвоката, но пока тот появится, протокол будет уже составлен и понятия уйдут...

– Да, конечно, и мы вам все поверили! – каверзно улыбнулся Сотников.

– Это не для вас, это для суда.

– Суд поверит фактам, которые мы ему предоставим. А там не только спиртоводочный завод... – Сотников приложил одну ладонь к животу, а другую поднял выше головы, показывая, какой толщины будет уголовное дело по душу гражданина Гордеева.

Михаил Викторович молчал. Все верно, в его чиновничьей жизни хватало противозаконных эпизодов, в одних случаях он исполнял чужую волю, в других действовал по собственной инициативе и своему разумению, но никогда не работал в одиночку. Практически во всех случаях нити должностных преступлений тянулись высоко наверх, вплоть до федерального уровня. И не всякий следователь, не имея особых на то полномочий, рискнет влезть в эти кишасные змеями дебри. Возможно, Сотников со своими коллегами действуют на свой страх и риск, это побуждает их к осторожности, именно поэтому они раскрутили жертву на взятку, принудив хоть и косвенно, но признать свою вину. А что дальше? Или будут склонять к чистосердечному признанию, в котором Гордееву предложат взять вину на себя, или... Возможно, они попробуют выжать из жертвы еще один отступной, в еще более крупном размере. Увы, бывает и такое...

– Работы у нас непочатый край, – продолжал Сотников, нервно покручивая пальцем колесико на «мышке», в которую он так вцепился. – Думаю, нам не стоит копать под ваше прошлое, достаточно будет посмотреть, что находится под вашим настоящим...

Он замолчал, глядя на своего толстощекого коллегу, который, выпроводив из кабинета понятых, подал протокол изъятия на подпись Гордееву.

И он подписал – быстрым, но достаточно разборчивым почерком указал, зачем он принес деньги Сотникову. Долг он возвратил, и точка...

Толстощекий прочитал, хмыкнул себе под нос, передал протокол Сотникову, шагнул к двери, остановился, переглянулся с ним, только тогда и вышел. Гордеев не видел, как он посмотрел на Сотникова перед уходом, но сговор между ними уловил. Похоже, перед ним действительно разыгрывался фарс... Эта мысль слегка успокоила Михаила Викторовича: в его случае лучше стать жертвой мошенничества, чем законного правосудия.

– Акции спиртоводочного завода приобрел некто Широков Андрей Валерьевич, ныне владелец контрольного пакета акций этого предприятия, так я понимаю? – спросил Сотников, глянув на Гордеева с плохо скрытой насмешкой.

Михаил Викторович промолчал, разглядывая ногти на своих руках. Он стриг их сам – специальными ножничками, пилочкой придавая правильную форму. В тюрьме такой возможности не будет, там пилочку для ногтей воспримут как принадлежность к женскому сословию со всем отсюда вытекающим... Нет, он не должен оказаться за решеткой.

– Следствие установит степень его вины. Будет установлена и ваша вина – в приобретении завода железобетонных изделий. Насколько мне известно, когда-то это было государственное предприятие.

Гордеев закрыл глаза. Завод приватизировали еще в первой половине лихих девяностых, но блокирующий пакет акций остался за государством. Михаил Викторович не успел погреть руки на не совсем законной приватизации, но сорвал куш с продажи государственной доли. И кирпичный завод он урвал не совсем честно... Завод сухих смесей он поставил сам, на свои деньги, но у следствия могли возникнуть претензии к участку под строительство...

– Будем копать? – спросил Сотников таким тоном, как будто собирался рыть могилу для него.

– Завод не мой, – покачал головой Гордеев.

– А чей?

- Завод принадлежит компании «Билдхауз».
- Где она зарегистрирована? – Сотников, казалось, заранее знал ответ, об этом можно было судить по снисходительной ухмылке, которая напознала на его губы.
- Британские Виргинские острова.
- Офшор? – Следователь небрежно усмехнулся – да, именно, так он и думал.
- Что-то вроде того.
- У вас есть и другие заводы, они тоже принадлежат этой, с позволения сказать, компании?
- Совершенно верно. Фирма «Первый стройтрест», которой я управляю, является дочерним предприятием компании «Билдхауз».
- Я почему-то в этом не сомневался... – голосом, полным сарказма, сказал Сотников. – И кто является владельцем компании «Билдхауз», вы, конечно, не знаете?
- Ну почему же не знаю? Госпожа Ирма Ланген.
- И как с ней связаться? – без всякой надежды на результативный ответ спросил следователь.

Гордеев развел руками, подтвердив его догадку.

На самом же деле он знал, кому принадлежала офшорная компания. Мать его двоюродной сестры была родом из поволжских немцев, и он воспользовался этим в свою пользу. Он уговорил сестру слегка видоизменить имя и взять девичью фамилию матери. Ирина была инвалидом детства; пораженная церебральным параличом, она передвигалась на своих двоих с огромным трудом; ни мужа у нее, ни детей. Отец ушел из семьи почти сразу после того, как с ней произошло несчастье, мать умерла пять-шесть лет назад, Ирина осталась в полном одиночестве, и неизвестно, как бы она сейчас жила, если бы не Гордеев.

Он должен был расположить к себе сестру, поэтому не скупился на нее. Она хотела жить в лесу – пожалуйста, он приобрел участок в чудесном месте неподалеку от живописной деревушки на берегу реки. Ира мечтала о деревянном доме, он заказал отличный проект из клееного бруса, оплатил, вывел «под ключ», обставил, нанял женщину, которая должна была работать по дому и ухаживать за ней, назначил содержание. Владелица его бизнеса должна была жить в хороших условиях и ни в чем не нуждаться, и главное, никто не должен был знать, как ее найти.

- А она вообще существует, эта Ирма Ланген? – спросил Сотников.
- Существует, – без тени сомнения в голосе отозвался Гордеев.
- Но связаться вы с ней не можете?
- Не могу.
- А если она умрет, как вы об этом узнаете?
- Если она умрет, компания «Билдхауз» перейдет к ее наследникам, и они уже будут решать, кто будет управлять «Первым стройтрестом».
- А если она уже умерла?
- Вряд ли. Имущественных претензий мне никто не предъявлял.
- А если наследники госпожи Ланген не знают о существовании компании «Билдхауз»? Если эта компания фактически перешла в собственность государства... Вопрос, какого государства... Мне почему-то кажется, что гражданка Ланген проживает в России... – вкрадчиво глядя на собеседника, в раздумье проговорил Сотников. – Возможно, это кто-то из ваших родственников... Или вы воспользовались чьим-то паспортом... При желании все можно выяснить... Возможно, Ирины Ланген и в живых-то нет...
- Дерзайте.
- А вам это нужно?
- Где-то я это уже слышал! – Гордеев скривил губы в неприязненной усмешке, с осуждением глядя на Сотникова.

Именно после этого вопроса зашел разговор о взятке, и он уже знает, к чему это привело. А сейчас этот вопрос внес ясность в их отношения со следствием. У Сотникова были доказательства его виновности, но уголовное дело он заводить не торопился. Он прощупывал Гордеева, выяснял, сколько денег подозреваемый готов заплатить за свою свободу. Логика проста – если он согласился отдать двести тысяч, значит, его можно раскрутить и на миллион; именно это сейчас и происходило.

– Да, мы с вами говорили о Долгопольском спиртоводочном заводе, – кивнул Сотников. – А сейчас речь идет о вашей компании.

– Да, я бы хотел об этом поговорить... С прокурором, – выдержав паузу, с чувством, близким к злорадству, сказал Гордеев.

– Обязательно, – неискренне, под принуждением улыбнулся следователь.

Не хотел он доводить дело до встречи с прокурором или судьей, он собирался прекратить его на предварительном этапе – за соответствующее, разумеется, вознаграждение. И Гордеев уже нисколько не сомневался в его намерениях.

– Я арестован? – спросил он, подняв скованные руки.

– Пока нет.

– Тогда почему на мне наручники?.. Если я в чем-то виновен, предъявляйте мне обвинение, определяйте меру пресечения – через суд, как это сейчас принято... Давайте, давайте!.. И еще я должен позвонить адвокату!..

– Михаил Викторович, не надо гнать лошадей! – Сотников широко улыбался, пытаясь скрыть свое замешательство.

А Гордеев и не думал останавливаться. Враг морально подавлен, путь к свободе открыт, и нет нужды сдерживать лошадей.

Он не ошибся, Сотников действительно собирался раскрутить его – и на деньги, и, возможно, на собственность. И первый транш, который изъяли по липовому протоколу с участием подставных понятых, он уже положил в свой карман...

– Снимите наручники! – Гордеев вознес руки над головой и с размаху опустил их на стол.

Сотников не устоял перед столь решительным натиском: он и наручники снял, и его отпустил – без подписки о невыезде. Деньги он оставил себе как взятку за должностное бездействие, но можно ли ему доверять – вот в чем вопрос. Отступится ли он от своей жертвы?.. Сотников работал не один, а в группе, и не понятно – позволят ли ему его сообщники оставить Гордеева в покое?..

* * *

Ослепительно-яркий брызжущий огонек с легкостью плавил металл, приваривая один железный уголок к другому. Грузный приземистый сварщик в линялой брезентовой куртке стоял на раздвижной лестнице и время от времени переминался с ноги на ногу, проверяя надежность своего положения. Лесенка шаткая, ступеньки узкие, любая маленькая неловкость могла привести к большой беде: если сварщик упадет, на него рухнет и вся конструкция. Но как бы то ни было, работать надо, причем быстро: пока козырек не установят, в здание прохода не будет.

Гордеев сидел в машине напротив отделанного пластиком здания с высокими витринными окнами, рассеянно в ожидании смотрел на сварщика. Ему нужно было поговорить с женой. Особой срочности в этом не было, но все-таки он не уезжал и в раздумье смотрел на искрящийся огонек. Не нравилась ему чехарда, которую развел вокруг него Сотников, да и знал следователь очень много, как бы до второй серии не дошло – с полной конфискацией имущества. Или по закону изымут, или по беспределу отожмут, уж Гордеев знает, как это бывает.

Он сидел и думал, как быть, а сварщик не торопился, во всяком случае, работа шла медленно – ни конца ей, казалось, ни краю. Гордеев махнул рукой, завел машину. Уезжать надо, дел много, а с женой он и вечером поговорит. Водителя он отпустил, поэтому сам должен был стронуть машину с места. Но не смог. Нельзя смотреть на сварочный огонек, и он знал это, но в тягостных раздумьях забыл об осторожности, потому и замелькали яркие круги перед глазами, когда он глянул в зеркало заднего вида. Нельзя в таком состоянии ехать, придется немного подождать, успокоить раздраженные роговицы.

Гордеев не стал делать из этого трагедии, он слегка опустил спинку водительского кресла, откинулся, уложив затылок на подголовник, и закрыл глаза. Яркие, всех цветов радуги круги вспыхивали в темноте сознания, расплывались, взрывались, эта какофония вызывала головокружение, даже тошноту, но постепенно все успокоилось, и он смог открыть глаза.

Сварщик закончил свою работу, он стоял на нижней ступеньке крыльца и сматывал электрический провод. Путь свободен, можно выходить из машины. Но только Гордеев открыл дверь, как появилась Лера. Она выходила из офиса в сопровождении высокого видного мужчины в дорогом, наискушеннейшем взгляде, летнем костюме. Смоляные волосы, такие же черные брови вразлет, белозубая улыбка на фоне загорелого лица. Михаил Викторович закрыл дверь, с подозрением глядя на чернявого щеголя.

В годах мужчина – судя по глазам, около сорока, но выглядел он молодо, на лбу единственная морщина – короткая, узкая, но глубокая. Правильной формы нос, волевой подбородок, губы тонкие – даже сейчас, когда мужчина улыбался, они придавали ему суровый вид. Глаза холодные, водянистая синева в них...

Он что-то говорил, а Лера методично качала головой, принужденно улыбаясь. Мужчина вдруг обнял ее за талию, пытаясь привлечь к себе, она отреагировала не сразу, но тем не менее отстранилась от него. Гордеев опустил стекло, но подслушать их не смог: Лера повернулась к чернявому спиной, переступила порог и скрылась в дверях. Но перед этим она провела рукой по его плечу – мягко, если не сказать нежно. Таким жестом извиняются за вынужденное невнимание, но им же можно поблагодарить партнера за доставленное удовольствие. У Леры свой кабинет, и Гордеев не мог знать, чем и с кем она там сейчас занималась...

Мужчина проводил ее взглядом, вздохнул, унылым взглядом окинув пространство перед собой, провел рукой по волосам, зализывая их, и направился к своей машине. Не смог он соблазнить Леру, только так и можно было его понять. Но точно не смог? Может, все-таки что-то было?..

Гордеев заметил дорогие часы на руке, когда он оглаживал волосы, и костюмчик у него явно от-кутюр, машина также произвела впечатление. Джип «Лексус» у него, полноразмерный, премиальный, самый дорогой в своей серии. Непростой он тип, непростой... На всякий случай Михаил Викторович запомнил и записал в блокнот номер машины.

А возвращая блокнот на место, спохватился. Он же не ревновал свою жену и даже допускал вольности на ее счет. Женщина она относительно молодая, в чем-то симпатичная, во многом интересная и должна нравиться мужчинам. Возможно, у нее был любовник, во всяком случае, он этого не исключал. Пусть будет, думал он, лишь бы ему об этом не знать. Да и право ходить налево Лера, в общем-то, имела. Гордеев ей изменял, и она не могла об этом не догадываться... Всегда ей изменял, с самого начала семейной жизни, и несколько не раскаивался в этом. И в праве на ответный ход ей, в принципе, не отказывал. В принципе. Но при этом он почему-то не сомневался в Лере и надеялся на ее порядочность, хотя и посмеивался над своей же наивностью.

Не ревновал он жену и в ее жизнь, не связанную с домом, старался не лезть. В рабочее время он был занят собой, ничуть не переживая за жену... И вдруг застает ее в обнимку с молодожавым красавчиком. Вдруг! И чуть ли не впервые за двадцать лет в нем пробуждается ревность... А может, это всего лишь злость? Может, Лера и не любимая жена, но принадлежит

она только ему одному, и ей никак нельзя заводить романы на стороне. А если вдруг завела, как не злиться на непослушную собственность?..

Он поднял стекло, завел двигатель, включил заднюю скорость, но с места не стронулся. Возникло желание подъехать к месту вечером, проследить за женой, но зачем усложнять, если Лера не посмеет соврать? Ложь ей обычно давалась с трудом и становилась невозможной перед пристальным категоричным взглядом, требующим правдивого ответа. Он знал свою жену, поэтому направился к ней.

Белокурая, с маленьким носиком девушка на ресепшене одарила Гордеева яркой, но с фальшивым блеском улыбкой. Она приняла его за посетителя, а ведь он мог считаться хозяином этой фирмы, поскольку вложил в нее свои деньги. Лера могла взять деньги у своего отца, но старый скряга не дал ей ни копейки. И остальные сотрудники приняли его за клиента, но это не удивительно, сколько лет существует эта фирма, а он появился здесь только на открытии, сколько воды утекло с тех пор и кадров...

Леру она застала в своем кабинете, она сидела за столом, сосредоточенно смотрела на экран монитора, моргала и щелкала «мышкой» в такт, с которым порхали ее ресницы. Не так много прошло времени с тех пор, как она рассталась со своим, возможно, любимым мужчиной, и сейчас должна была пребывать в мечтательно-романтическом настроении, перебирая в уме милые сердцу подробности, а ей, казалось, и дела до этого нет – с головой в компьютере, за волосы не вытащишь... Но возможно, Лера просматривала фотографии, на которых запечатлены были эти самые подробности.

Гордеев переступил порог, направился к ней, а она отстраненно махала на него рукой, предлагая остановиться. Сначала она разберется со своей проблемой, а потом уже займется... сотрудником... клиентом... А может, чернявым красавчиком, который запросто мог вернуться?..

Михаил Викторович не останавливался, он обогнул стол, глянул на экран монитора. Только тогда Лера возмутилась наглостью... сотрудника... клиента... Но перед ней стоял муж, которого она никак не ожидала здесь увидеть.

– Миша?! – Она смотрела на него в приятном недоумении.

А он смотрел на монитор – не было там никаких фотоснимков, и видео не крутилось, только прайс какого-то отеля, густо сдобренный рекламными баннерами.

– Миша.

Он опустился в кресло за приставным столом, двумя ладонями оправил волосы по бокам, провел пальцами по шее до самого воротника.

– Что-то случилось? – спросила она, встревоженно наблюдая за ним.

– А обязательно что-то должно случиться?.. Да, случилось!

– Что с Яриком? – Краска схлынула с ее лица, на щеках появились маленькие белые, как арктический снег, точки.

Если бывает смертельная бледность, то это как раз тот случай. Гордеев упрекнул себя за опрометчивую резкость и в порыве непрощенных чувств накрыл широкой своей ладонью тонкое запястье жены.

– При чем здесь Ярик? С ним все хорошо... И с тобой все хорошо. – Он одернул руку – и своих чувств застыдил, и злость дала о себе знать. – Даже очень хорошо! Кого ты сейчас провожала?

– Я?! Провожала? – не поняла его Лера.

– Чернявый, загорелый, в бежевом костюме, на «Лексусе»! – выпалил он, тщетно пытаясь сдержать ревность.

– На «Лексусе»?! – Она приподняла плечи, пожимая ими, но зависла в раздумье и застыла.

– Да, на черном «Лексусе»!

– В бежевом костюме... Рома это. Рома Раскатов! – Она опустила плечи, выдохнув с чувством облегчения, как будто справилась со сложной головоломкой, от которой зависела жизнь.

– Если это Рома Раскатов, его можно обнимать?

– Я его не обнимала! – Лера смотрела на него, взывая к справедливости.

– Ну, рукой по плечу провела... А он тебя за талию обнял!

– Да, кажется, было, – смутилась она.

И щеки ее пошли красными пятнами. Почти сорок лет женщине, а краснеет, как юная нецелованная девушка.

– Что было?.. В глаза смотри! – потребовал он.

– Да не было ничего!.. Подъехал – привет, как дела, хорошо выглядишь...

– Хорошо выглядишь?

Гордеев и сам так думал, но, глянув на жену, изменил свое мнение. Лера выглядела не просто хорошо, а замечательно. И глаза не такие уж маленькие, и переносица не очень тонкая, и в губах просматривается чувственность...

– И часто он к тебе так подъезжает?

– Нет, не часто...

– Но бывает! – изобличительно, на высокой ноте протянул он.

– Мы еще в школе с ним дружили... – Лера посмотрела на него, как малолетняя дочь на отца перед тем, как признаться ему в нечаянной беременности. Но вдруг изменилась в лице, глаза возмущенно заблестели. – А что здесь такого?

– А после школы?

– После школы он поступил в военное училище, и больше я его не видела... Пока в прошлом году не встретила. В супермаркете. Он подошел, мы поговорили...

– О чем?.. Только честно!

– А когда я была с тобой нечестной? – Обиды в ее голосе было больше, чем возмущения.

– Ты не ответила на вопрос.

– Он предложил встретиться... Он предложил, я отказалась... – сказала она с таким видом, как будто иначе и быть не могло. – Он потом ко мне в офис подъезжал, я сказала «нет». Он пропал, сегодня вот снова подъехал...

– На «Лексусе»?

– Я не знаю, какая у него машина, – покачала головой Лера.

Гордеев кивнул. Он много лет прожил со своей женой и знал, когда она говорит правду, а когда пытается лгать. Она не врала, и он успокоился. Если Лера не знала, какая машина у Ромы, значит, она не была с ним там – не пропадала за темными стеклами, на мягких креслах в интимном полумраке...

– А ты что, ревнуешь? – приятно удивилась она.

– Да нет, – расслабленно усмехнулся он.

Все-таки глупая у него жена и простая, как медный пятак в пыли на базарной площади. Могла бы и соврать, навести тень на плетень – да, было у них с Ромой, но у нее на это есть право, потому как Миша сам далеко не ангел. Око за око, грех за грех... Но не додумалась она до этого, не заинтриговала мужа...

– Значит, встречу на стороне предлагал? – в раздумье проговорил он.

А возможно, Лера все-таки напустила туману – выдумала на ходу о своем школьном романе, создала интригу, а на самом деле Раскатов ничего ей не предлагал. Или не настаивал на встрече, о которой заикнулся ради приличия... Не так уж и хороша Лера, чтобы добиваться ее. И глазки у нее маленькие, и нос не без изъяна, и губы холодные...

– Да, предлагал, но мне это не нужно.

– Это хорошо, – кивнул Гордеев. – Это очень хорошо.

Правильная у него жена и в общении приятная, но не кружится от нее голова, не замирает сердце при мысли о ней. Так и проживет он с ней в скучном дистиллированном бытии... Впрочем, эта мысль не угнетала его, не вгоняла в отчаяние. Хоть и пресная у него жена, но с ней, в общем-то, сухо и комфортно...

Он уже садился в машину, когда вспомнил, зачем хотел увидеть Леру, но в офис к ней не вернулся. Дома поговорят. Если будет настроение... Может, и не нужно делиться с ней своими соображениями. Если жена не посмела изменить ему со своей школьной любовью, то и Сотников не подложит свинью. В конце концов, он получил свои двести тысяч, и ему не с руки дожимать жертву, провоцируя ее на опасное противодействие...

Глава 3

Облака на небе тонкие, похожие на изорванные, изодранные, вывешенные на ветер пуховые платки, солнце светит сквозь них ярко, но не жарко, в такую погоду приятно загорать, хотя и опасно – не заметишь, как обгоришь. И у реки с удочкой хорошо стоять – солнце мягко греет, ветерок ласкает, навевая сладкую, настоящую на свежем воздухе дрему. Но недосуг Михаилу Викторовичу, дела насущные, какой может быть отдых, когда вокруг кипит работа? Башенный кран гудит, в звонком перестуке стальных колес перемещаясь по рельсам, бетоновоз фыркнул, выхлопнув из трубы черную копоть, урчит у него в железной утробе, густо булькает. Прораб сально крикнул, подгоняя подсобного рабочего – начальство подъехало, а он как сонная муха...

Строится дом: всего три этажа из четырнадцати осталось, а квартиры уже продаются, и неплохо, а это прибыль – святая святых любого бизнеса.

И все-таки деньги не самое главное. Людям нужно жилье, Гордеев строит, пусть и не безвозмездное это дело, но для общества нужное. Это раньше он, как паук на мухах, паразитировал на человеческих интересах, высасывая из людей кровь, а сейчас от него никакого вреда, только польза. Эта мысль грела самолюбие и успокаивала совесть...

По соседству поднимался к небу такой же высотный дом, но это строился конкурент, которого можно было рассматривать и как партнера по освоению нового микрорайона на южной окраине города. Чем больше здесь будет домов, тем быстрее городские власти примут решение о строительстве школы, правда, тогда возникнет вопрос, кто этим займется, кому достанется ценный приз в тендерной схватке. У Гордеева были свои лазейки, он знал, к кому обратиться, как подмазать, выгадывая преимущества в конкурентной борьбе, но и у Федосова есть свой административный ресурс, а финансовые возможности у него более чем серьезные, тут с ним тягаться сложно, если вообще возможно...

Михаил Викторович собирался уезжать; осторожно ступая через грязь, он подходил к своей машине, когда появился Федосов. Черный, сверкающий на солнце «Майбах» неторопливо выкатился из ворот, закрывающих подступ к соседнему объекту, свернул на дорогу, ведущую к шоссе, немного проехал, остановился, сдал назад, направляясь в его сторону. Гордеев старался не обращать внимания на эти маневры, он сел в свою машину и вышел из нее лишь после того, как Федосов явил ему свою персону.

Это был среднего роста, коренастый, крепкой рабоче-крестьянской закваски мужик, на котором строгий костюм от Бриони смотрелся как на корове седло. Волосы жидкие, как их не впусшивай, черты лица крупные, сермяжные, кожа грубая, дубленая на ветрах и холодах, а загар прилипал к ней быстро и намертво, как у колхозника, который с утра до ночи работает в открытом поле на палящем солнце. Взгляд у него хитрый, пыгливый, но это лукавство опять же как у крестьянина, который по трудолюбию своему вплотную приблизился к простому купеческому сословию, не просматривалось в нем изощренное иезуитское шельмовство, хотя способен он был на многое.

– Ну, здравствуй, Михаил Викторович! – Федосов раскинул руки, как будто собирался обнять Гордеева, но всего лишь протянул ему крупную, шероховатую на ощупь пятерню.

Жил он богато, и особняк у него такой, на какой Михаил Викторович только нацеливался, но, видимо, земля тянула его к себе, не брезговал он поработать лопатой или косой на свежем воздухе, оттого и рука у него мозолистая. И хватка крепкая – будь Гордеев слабаком, у него бы кости от рукопожатия затрещали. Но не повезло Федосову, не на того нарвался.

– Я смотрю, дела твои в гору идут! – Он кивнул в сторону дома и взглядом быстро вскарабкался по этажам.

– А куда они денутся, Юрий Васильевич? Дела идут, контора пишет, все рядком да ладком. А вас, я смотрю, что-то беспокоит?

– Думаешь? – Федосов глянул на него с насмешкой, за которой скрывалась легкая досада. «Надо же, раскусили!»

– Вижу.

– Слышал я, к следователю тебя вызывали.

Гордеев покачал головой, с насмешливым укором глядя на собеседника. Ну разве ж можно так прямо в лоб выдавать свою осведомленность, за которой может просматриваться и прямая причастность?

– Ты только не подумай, что я здесь каким-то боком, – нахмурился Федосов, уловив его мысленный посыл.

– Как можно? – усмехнулся Гордеев.

– Одну землю осваиваем, одни проблемы на всех... Может, про меня что-то спрашивали?

– Да нет, не о том разговор был...

– А о чем, если не секрет?

– Секрет.

– Может, проблемы какие-то?

– И не мечтай! – Гордеев с намеком перешел на «ты».

Достал его Федосов своей душевной простотой, нет желания с ним разговаривать, и пусть проваливает, если нечего сказать, кроме как нос в чужие дела совать.

– Ну, смотри... Если вдруг что, я могу твое дело выкупить.

– Дело?! Выкупить?!

Гордеев смотрел на собеседника пристально, с пронизывающим подозрением, но тот как будто этого не замечал.

– В цене не обижу.

– Ой ли!

– Дай только срок, все возьму, вместе с заводами.

– Ух ты! Тебя и заводы интересуют?... А газеты, пароходы?

– Какие пароходы? – не понял юмора Федосов.

– Да такие, которые ходят по рекам, дымят, дышать нормально мешают... Смотри, если узнаю, что ты меня под ментов подставил!..

– Я?! Тебя?! Подставил?! – вздыбился Юрий Васильевич. – Да за кого ты меня принимаешь?

– А вдруг? Ты к моей лавочке давно присматриваешься! – наседавал Гордеев.

– Ну, присматриваюсь... И выкупить хочу... Но я тебя не подставлял... А если вдруг, то что?... Что ты мне сделаешь? – Федосов смотрел на него зло, хищно, как тот кулак – на продрозверстку.

А обрез у него имелся, и не один. Служба безопасности у него, связи в мире суровых людей без страха и упрека – он мог нанести очень болезненный удар, как в спину, так и в лоб. С таким человеком лучше не связываться, и Гордеев пожалел о своей несдержанности.

– Не продам я тебе бизнес! – отрезал он и повернулся к Федосову спиной.

Не стоило ему ссориться с этим далеко не последним человеком, но раз уж так случилось, то и замиряться с ним не нужно – во всяком случае, сейчас. Эффектно нужно уйти, на высокой ноте, чтобы у оппонента мурашки по коже пробежали от страха и восхищения, а потом уже можно и на мировую. Выждать, промариновать Федосова в собственных сомнениях и опасениях, а потом встретиться с ним и с чувством собственного достоинства извиниться.

А может, и бизнес ему продать? По рыночной цене... Вдруг все-таки он стоит за Сотниковым, вдруг это с его легкой руки началась смута? Если так, то продолжение следует. А может,

кто-то другой мутит воду, и следствие потихоньку, пользуясь временным затишьем, обкладывает его флажками? Загонят в угол, набросят петлю на шею и зашвырнут в клетку...

Да, пожалуй, не будет ему покоя на земле, где он грешил на государственной службе, слишком уж много хвостов после него здесь осталось. Уезжать ему нужно, туда, где о нем никто не знает...

* * *

Пальцы у Риты длинные, изящные, ногти акриловые, на каждом – по букету фиалок; фиолетовые лепестки, зеленые листики, тычинки, пестики. Такими пальцами хорошо играть на фортепьяно, ловко перебирая клавиши, но Рита не училась музыке, к тому же в квартире отсутствовал инструмент. Зато здесь был Гордеев, он лежал в постели на спине, она – рядом, на боку, ее рука покоилась у него на животе, а пальчики беспорядочно блуждали по волосатой груди, поглаживая, постукивая, покручивая. Будь под ее рукой клавиши рояля, пальцы бы выбивали хаотические звуки, но в любовных утехх свой ритм, здесь главное не тактовый порядок, а душевный подход. А Рита принимала Гордеева с душой и сейчас, после громкого выплеска чувств, думала о нем, пальчиками отстукивая свои мысли, наигрывая ласковую, нежную мелодию, которую он слушал с удовольствием...

Мелодия складная, не лишенная смысла, но скучная, и в душу она не западала, не звала вперед, не вдохновляла на новые свершения. С тем же успехом он мог провести время в постели с Лерой, она бы лежала сейчас рядом с ним и точно так же выбивала пальчиками приятные ощущения. И не было бы никакой измены, и совесть бы не кололась...

Поднадоела ему Рита, не хочет он с ней больше, и засела занозой мысль поставить крест на их отношениях. Но как ей об этом сказать? Любит она его, привязалась к нему, и ей будет больно... Но выход все-таки был. Он всерьез подумывал о больших изменениях в своей жизни: продать бизнес и недвижимость, перебраться на новое место, начать все с нуля. Проблемы у него, приходится спасаться бегством, так Рите он и скажет, и она поймет. Он уедет, она его забудет – гордиев узел рассосется сам собой... Но уже вторая неделя пошла после скандального разговора с Федосовым, Гордеев позвонил ему, извинился за свое поведение, но с визитом у него не был, речь о купле-продаже не заводил. И с каждым днем его желание оставить все и уехать слабело, еще чуть-чуть, и оно совсем зачахнет. Со стороны Сотникова тишина, Федосов его простил, осознав собственную глупость, одним словом, гроза прошла – вырвала с корнями дерево на двести «тонн» «зелени», сыграла на нервах и стихла. Снова над головой чистое небо, мягкое солнце, а перед глазами – яркая улыбка Золотого Тельца. Дела идут в гору, прибыль множится, и нет желания разбирать накатанные рельсы, переносить их в неведомую даль...

– Ты Анастасию Сергеевну знаешь?.. – вдруг спросила Рита. – Лопяхину Анастасию Сергеевну знаешь?

– Ну знаю! – Гордеев резко повернулся на бок, сминая под собой простынь, отстранился от Риты, удивленно посмотрел на нее.

Настю он знал с давних пор, и раньше любил ее, и сейчас. Она самая лучшая... И самая странная женщина из всех, кого он знал.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты такой же дикий, как и она! – Рита учащенно моргала, изумленно глядя на него.

Он выразительно вскинул брови. Возможно, его с дикарем сравнили небеспричинно, а Настя – чем она провинилась? Разве ж она дикая?..

– Набросилась на меня! Глаза дикие! Шипит! Руками машет!.. – Рита разволновалась, вспоминая свою встречу с Настей. – Шлюхой малолетней обозвала!.. Какая ж я малолетняя? Мне уже двадцать!

Гордеев продолжал держать ее под вопросительно-восклицательным взглядом, он даже не моргал, усиливая выраженное удивление, дополняя его легкой ироничной насмешкой. И Рита его поняла.

– И не шлюха! – спохватилась она.

– А почему обозвала?

– Как почему? Из-за тебя!

– Она знает, что мы встречаемся?

– Знает!

– И ей это не нравится? – сомневаясь в этом, спросил он.

– И ей это не нравится!.. Я думала, она мне глаза выцарапает!

Гордеев сидел на кровати, опираясь на правую, вжатую в подушку руку, а левой он в раздумье пощипывал гладко выбритый подбородок. Он ничего не понимал. Он хорошо знал Настю, и не могла она устроить сцену из-за него: не те между ними отношения. Он ее любил, а она его игнорировала и личной жизнью никогда не интересовалась, а тут вдруг нашло. Может, выпила крепко, или еще что похуже...

– А она трезвая была? – спросил он.

– Трезвая!.. Но дурная!.. Может, под кайфом?.. Я однажды колес наглоталась, меня как понесло!..

Рита могла – и колесами закинуться, и к незнакомому взрослому мужику в машину сесть, и отдаться ему в тот же день в номере мотеля. Она была совершенно трезвой, когда Гордеев подобрал ее на остановке, но чем-то сильно расстроенной, вроде как с парнем в пух и прах рассорилась. Но выпить не отказалась. Он отвез ее в ресторан придорожной гостиницы, там они посидели, поговорили, а потом отправились в номер, где все и случилось. Проснулся он утром, но без нее: сбежала Рита, осознав свою ошибку. А девушка она симпатичная, с красивым овалом лица и чудными губками, и ее молодость брала в плен без права на побег... Нашел он ее, неделю за ней ухаживал и в конце концов добился своего, но медовый год уже закончился, пора закругляться...

– Откуда у нее информация, что я с тобой встречаюсь? – спросил он, воодушевленный ревностью любимой женщины.

– Ну не знаю...

– А ты ее знаешь?

– Ну конечно! Я с ее дочкой в одном классе училась.

– С Катей? – уточнил он.

– Ну да, с Катькой... А ты что, и с ней мутишь? – вскинулась Рита.

Гордеев на осуждающем вздохе набрал в легкие воздух и резко, с фырканьем, выпустил, в иронической насмешке раздув щеки. Понесло Риту, пора останавливаться, пока с обрыва не свалилась.

– Или ты с Анастасией Сергеевной?.. Ну да, конечно! Как я сразу не поняла? – Ее удивление было примерно таким, как у морского путешественника, который на исходе своих лет сделал важнейшее в своей жизни открытие – вода, оказывается, мокрая!..

А с кем еще можно было сравнить Риту, если простая истина осенила ее только сейчас? Если одна женщина набрасывается на другую, называя ее шлюхой, то виной всему мужчина – тут и гадать не надо.

– И как ты сразу не поняла? – усмехнулся Гордеев, поднимаясь с кровати.

Устал он бегать за Настей, вымаливая у нее милость, смирился со своим поражением, махнул рукой. За последние два года он видел ее всего три-четыре раза, и то издалека, случайно. Но теперь у него появился повод увидеться с ней, и он не упустит этой возможности.

* * *

Отшумели бесхозные девяностые, уступив место «нулевым» годам, страна ожила, зашестелели купюры в бюджетных потоках. Гордеев имел представление, сколько денег прилипло к загребушим рукам всех чинов и рангов, но все-таки львиная доля – за вычетом шакальих гешефтов – добралась до адресатов. Он хорошо помнил, в каком состоянии находился городской Дворец культуры – обшарпанные колонны, облупленный портик, разбитые ступеньки, асфальт на площади сплошь в сколах и выбоинах, как будто под минометным обстрелом побывал. Но пару лет назад клуб отремонтировали как изнутри, так и снаружи, здание облицевали, площадь замостили, обновили старые и разбили новые клумбы – любо-дорого посмотреть, и все-таки он бы с удовольствием вернулся в прошлое, к старому ветшающему зданию, в огромном холле которого гремели дискотеки. Сейчас здесь по вечерам тихо, для всяких разных диджей-шоу существуют ночные клубы, а в прежние времена сюда со всего города стекалась молодежь. Громыкала и звала в разгул музыка, в конвульсивных дерганьях толкались на танцполе тела, мальчишки снимали девочек, задиры искали подрасться, в елочках за клумбами дворники по утрам находили снятые впопыхах лифчики, подсохшие резинки, разбитые в драках очки, а иногда и выбитые зубы.

Здесь Миша Гордеев и познакомился с Настей. Увидел ее, засмотрелся, она кокетливо улыбнулась в ответ, назвалась. Он даже не успел сказать, как его зовут, а она уже повисла у него на шее. Но этого бы не случилось, если бы не бутылка коньяка, которую он тогда держал на виду. Друзья решили добавить, он отправился к своей машине, которая находилась неподалеку, взял оттуда пузырек из «джентльменского набора», а на обратном пути нарвался на шумную компанию. Парни, девчонки – все навеселе, смеются, по кругу ходит «огнетушитель» с «чернилами», но пойло уже на исходе, а надо еще, и тут вдруг появляется Миша...

Девчонки обычные, ничего особенного, но все при парнях, и только Настя была без пары. Самая красивая, самая эффектная, в короткой плиссированной юбке, с ногами от ушей, и одна. Кто-то позвал Мишу, заметив бутылку в его руках, он мог бы пройти мимо, но Настя притянула его к себе как магнитом. Ради такой красоты он готов был отдать и ящик, и два коньяка, а тут какая-то бутылка.

Настя тоже пила, из горла, и даже занюхала его волосами, отглотнув из бутылки. Обняла Мишу рукой за шею, повозила носом по волосам, вдыхая через них воздух, занюхала, сплюнула, но так и осталась стоять с ним в обнимку. И никто ничего, хотя один парень глянул на Мишу косо, враждебно, он даже толкнул свою девушку, как будто хотел избавиться от нее, как от обузы. Но не избавился и остался с ней, а Миша увел Настю в машину. Предложил покатайся, она не отказалась и в ту же ночь стала его женщиной. И, как оказалось, стала женщиной вообще...

В ту ночь Настя рассталась с девственностью, но тогда Гордеев не мог в это поверить: он же видел, как она вела себя в компании, как легко села к нему в машину, с какой беспечностью раздвинула ноги...

В тот вечер она садилась к нему в «семерку», а сейчас под ним пятисотый «Мерседес», и стояла машина примерно на том самом месте, где и тогда, двадцать с лишним лет назад. Тогда он увозил Настю в ночь, а сейчас он едет к ней – они встретятся, поговорят. Но сначала ей нужно позвонить...

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда он взял его в руку, на дисплее высветилось – ТС.

– Да, Таисия Степановна.

– Михаил Викторович, срочно приезжайте! – Голос экономки прозвучал тревожной сиреной.

Уж не пожар ли!

– Что случилось?

– Тут из полиции приехали! С обыском!.. Валерии Павловне позвонить или вы сами?

– Сами, – через немеющее горло выдавил он.

Полиция! Обыск! Нетрудно догадаться, с каких гор задул этот ветер. Гордеев не мог справиться с волнением, как в таком состоянии разговаривать с женой? Да и не до нее сейчас...

О Насте он подумал, когда подъезжал к дому. К ней собирался, а попал на пожар, прямо в эпицентр.

Ворота были приоткрыты, перед ними стояла полицейская машина, возле которой перетаптывался с ноги на ногу худосочный, с тонкой шеей паренек в полевой форме; сержантские лычки у него на погонах, с плеча свисал короткоствольный автомат, который почему-то казался непосильной для него ношей. Он попытался перегородить Гордееву путь, но тот рывкнул на него:

– Это мой дом!

Он прошел во двор и увидел, как из сторожки вываливается смуглый Насыр. Парень хотел выйти, если не выбежать, но кто-то сзади толкнул его в спину, и он упал на вытянутые руки.

– Лежать!

Из сторожки выскочил крепкого сложения мужчина с блестящими залысинами на массивной голове. Он был в штатском, но на поясе у него висел чехол, из которого появились наручники. Он схватил Насыра, не позволяя ему подняться с земли, сильными заученными движениями завел руки за спину и надел на них браслеты. Только тогда посмотрел на Гордеева.

– Капитан Алтухов!.. – коротко и емко представился он, хмуро, исподлобья рассматривая его. – Я так понимаю, вы хозяин дома!

– Гордеев Михаил Викторович... Может, скажете, что здесь происходит? – Ему пришлось два раза сглотнуть слюну, смачивая пересохшее горло, прежде чем он закончил фразу.

– Происходит! – Из сторожки показался еще один полицейский в штатском.

Приплюснутая сверху голова, как панцирь у краба, маленькие, слегка выпученные глазки. Короткие брови внутренними своими краями упирались в надлобный выступ, который плавно перетекал в переносицу. Казалось, брови вращались в этот выступ, соединяясь под ним. Двумя пальцами правой руки мужчина держал за угол полиэтиленовый пакет, в котором покачивался черный вороненый пистолет, по всей видимости, изъятый у Насыра.

Этот молодой паренек бессленно служил Гордееву и охранником, и дворником, и тем, кем попросят. В меру смуглый, городской, он говорил по-русски почти без акцента, следил за собой и не раздражал неотесанностью, как большинство из его собратьев, и по работе претензий к нему практически не было. Одним словом, Насыр вполне вписывался в окружающую обстановку, и Гордеев не хотел бы потерять такого работника. Но раз уж Насыр позволил держать при себе втайне от хозяина огнестрельное оружие, то зачем он ему такой нужен?

От души отлегло. Лучше лишиться трудовой единицы, чем собственной свободы. И жизни... Вдруг Насыр готовил покушение на своего хозяина? А если он готовил террористический акт?..

Гордеев готов был признать за своим охранником любой грех, лишь бы самому остаться в стороне, но, увы, в Управление внутренних дел забрали и его самого. Без объяснений посадили в машину, наручники надевать не стали, но увезли.

Глава 4

Не отлипали хлебные крошки от стекла на рабочем столе; капитан Алтухов небрежно дунул, повел рукой, но смахнуть смог только часть из них. Он глубоко втянул в себя воздух, натужно выдохнул, плотно провел по стеклу ладонью, но несколько крошек так и остались на столе.

– Черт!.. И в жизни так, Михаил Викторович, борешься, вычищаешь преступность, а ей медом намазано, не отлипает.

Алтухов достал из кармана связку ключей, звякнул ими, как будто угрожая несговорчивым крошкам, открыл сейф, достал оттуда тряпку, плеснул на нее из графина с водой и принялся тереть по столу. Гордеев недоуменно смотрел на него. Тряпка в сейфе? Оригинально!

– Ну вот, а говорите – не справимся! Все вычистили! – любясь своей работой, с торжеством в голосе сказал Алтухов. – И вас вычистим!.. Я имею в виду преступность...

– А может, лучше научиться есть нормально, не по-свински? – уколom на укор ответил Гордеев.

– А вы, Михаил Викторович, в ресторанах привыкли обедать, дома в столовой?.. – хищно сощурился капитан. – Был я у вас дома, видел, как там у вас... В тюремной камере такого не будет.

– Ну, то, что у меня таджик без разрешения работал, – это не преступление. Даже если он террорист.

– А он террорист?

– Вы полиция, вы и разбирайтесь.

– Мы полиция, – кивнул Алтухов. – А террористами ФСБ занимается.

– Мне ваши тонкости не интересны.

– В Сотникова стреляли из пистолета системы «ТТ», – в прежнем, слегка раздраженном, но, в общем-то, спокойном тоне сказал капитан.

– Мне какое до этого дело? – тем же ответил Гордеев, но вдруг до него дошел страшный смысл сказанного. – Что вы сказали?!

Алтухов смотрел на него пристально, пытливо, наблюдая, как он реагирует на известие.

– В него стреляли?! – Михаил Викторович находился в состоянии, близком к шоку.

– Да, вчера ночью. Георгий Андреевич возвращался домой, возле подъезда его ждали.

– Он жив?

– Жив. Рана оказалась не смертельной, кризис, как говорится, миновал.

– Он видел, кто в него стрелял?

– И долго вы собираетесь задавать вопросы? – усмехнулся Алтухов. – Хотите поменяться со мной местами? Так я не согласный. Мне в тюрьму как-то не очень охота.

– А почему вы обвиняете меня?

– Мы вас не обвиняем, а пока всего лишь подозреваем...

– Да, но у вас было постановление на обыск? И что вы искали в моем доме?

– То, что и нашли, пистолет системы «ТТ». Рано еще говорить, из этого пистолета стреляли в Сотникова или нет, экспертиза пока молчит. Но слово можете взять вы, пока не поздно. Чистосердечное признание облегчит вашу участь. Отсидите десять лет, вернетесь домой, а с пожизненного заключения не возвращаются...

– Пистолет вы нашли у Насыра, а сажаете меня.

– Насыр всего лишь исполнитель.

– То есть я заказал ему Сотникова? Зачем?

– Сотников работал по вашему делу, расследовал ваши злодеяния... Я хотел сказать, злоупотребления... – глумливо усмехнулся Алтухов. – Вы решили от него избавиться, вот, собственно, и весь мотив.

– А больше в стране следователей нет? Если Сотникова не станет, то продолжать его будет некому?

– Он действовал по собственной инициативе, дело, можно сказать, неофициальное. Пока неофициальное. Но теперь, конечно, оно получит огласку.

– Бред какой-то! Убить следователя, чтобы привлечь повышенное к себе внимание! Где логика?... Может, кто-то хочет привлечь повышенное внимание к моему делу?

Алтухов что-то сказал, но Гордеев его не услышал. В уши как будто вода набралась, ощущение было таким, словно он погрузился в бассейн с головой: в ушах – глухое переливчатое бульканье, отдаленный, сливающийся с эхом шум, и сердце слышно, как стучит. И писк – откуда-то из глубинной тишины, сквозной, раздражающе настырный...

Он не знал, как орудие преступления попало к Насыру, возможно, кто-то дал ему пистолет или он его нашел, но не в этом суть. Важен сам факт – оружие изъяли у человека, который работает на Гордеева, а раз так, он сам причастен к покушению на убийство. Посадят его за Сотникова или нет, дело десятое, главное, привлечено внимание к делам, которые поднял следователь, и не важно, из корысти он проявил инициативу или нет. Резонансное дело спровоцирует расследование по экономическим преступлениям, совершенным Гордеевым. Расследование, которое должно было его утопить...

* * *

Сердечная недостаточность ведет к смерти, а следственная – к спасению. Не смог Алтухов представить улики, достаточных для заключения под стражу, и Гордеева отпустили под залог. Судья принял решение, стукнул молоточком, и двери на волю, приветливо качнув створками, открылись. Но из гулкого, почти безлюдного зала суда еще нужно было выйти, а это не просто, когда под ногами путается тот, кому сегодня не повезло, но кто еще не думает сдаваться.

– Рано радуетесь, гражданин Гордеев! – Следователь Вершков бесцеремонно оттолкнул адвоката, чтобы взять Михаила Викторовича за руку. – Мы еще предъявим вам обвинение!

– Я не радуюсь и хотел бы с вами поговорить.

Гордеев не изображал смирение, он осознавал свою уязвимость перед законом, и у него в мыслях не было дерзить следователю Вершкову, который так рьяно пытался наказать его за Сотникова.

– Не о чем с вами говорить! – отрезал тот.

– Я бы не хотел с вами ругаться, – набираясь терпения, сказал Гордеев.

Он помнил этого толстощекого, с тяжелыми мясистыми надбровьями мужчину, который составлял протокол об изъятии незаконного денежного вознаграждения. Это была чистой воды афера, и Гордеев хотел ему об этом напомнить.

– А я хотел бы! – Голос Вершкова сорвался на визжащие ноты.

– Любой конфликт – это палка о двух концах. Вспомните о деньгах, которые вы от меня получили, – негромко, с оглядкой сказал Гордеев.

Вершков ничего не сказал, но не отстал, и они вместе вышли из здания суда. Гордеев бросил взгляд на жену, которая шла позади, кивком головы показал на машину, а сам отошел в сторонку, под раскидистую крону столетнего вяза, который высился посреди площади, прилегающей к зданию городского суда. И Вершкова он увлек за собой. В голове невольно шевельнулась насмешливо-любопытная мысль – интересно, сколько тайных, междусобойных разговоров за свой долгий век выслушали ветви этого дерева? Возможно, когда-нибудь изобретут

прибор, который сможет считать информацию, накопленную древесными клетками за многие годы. Если да, то вряд ли это случится в скором будущем, поэтому сейчас можно говорить без опаски.

– Я так и не понял, о каких деньгах вы говорили? – спросил Вершков, заставляя себя ехидно улыбаться.

– Не было никаких денег, – согласился Гордеев.

– Денег не было, а дело будет, и я вам это гарантирую.

– Хотите сказать, что от вас ничего не зависит?

– Зависит. А деньги вы не докажете, и не пытайтесь. Можете написать заявление прямо сейчас, вам никто не поверит.

– А как же понятия?

Вершков тихонько фыркнул, показывая, насколько удивила его наивность собеседника.

– И вас от следствия не отстранят?

– А это не имеет значения. И без меня есть люди, которые доведут дело до конца.

– Но вы же знаете, что я не заказывал вашего товарища.

– Не знаю!

– Кто-то меня подставляет!

Гордеев ничуть не сомневался в этом, поэтому его голосом говорила сама уверенность. Он уже знал, как у Насыра оказался пистолет. Оружие перебросили через забор ночью, а утром парень его нашел, когда обходил территорию. Собака учуяла ствол, а Насыр его подобрал. Надо было сообщить хозяину, но присущая человеку патологическая любовь к оружию сыграла с ним злую шутку, он решил припрятать пистолет, за это и поплатился. На орудии преступления остались пальчики, а это, считай, приговор, да и Гордееву еще может достаться. Насыр отрицает свою причастность к убийству – но вдруг его сломают на допросах, заставят оговорить хозяина? Возможно, лжепризнание выбьют по просьбе того самого человека, который подбросил орудие преступления или устроил это...

И пистолет подбросил этот опасный, нацеленный на Гордеева игрок и в полицию дал знать, где он может находиться... Серьезная игра, видно, большие ставки стоят на кону...

– Подставляют? – фыркнул через губу Вершков.

– Подставляют, – кивнул Гордеев.

– Ну-ну! – Следователь поднял руку, как будто собирался подкрутить у виска пальцем, но, не закончив начатое, повернулся к нему спиной и направился к стоянке.

Гордеев смотрел ему вслед с досадой и робкой за ней надеждой. Кочевряжится Вершков, изображает из себя народного мстителя, а сам трясется в своей раковине, вспоминая о тех двухстах тысячах, с которых ему наверняка перепало. И заявления он не боится, и понятия его не пугают – как уж бы!.. Но, скорее всего, от Вершкова действительно ничего не зависит. Следствие о покушении на следователя идет, маховик раскручивается, и Гордеев снова мог оказаться в жерновах, если он из них выбрался...

Лера, казалось, все понимала, она сидела в своем «икс-шестом» «БМВ» и нервно постукивала пальцами по кожаной обтяжке руля. И на мужа она посмотрела с надеждой, как женщина, которая хотела получить утешение.

– У меня плохое предчувствие...

– ...Сказал солдат, взяв под мышку оторванную ногу, – с мрачной насмешкой продолжил Гордеев.

– С одной ногой можно жить. И работать. А если посадят? – Лера коснулась ладонями щек – жестом, каким хватаются за голову.

– Ну, позвонишь Роме, он подъедет, утешит. – Он глянул на нее косо, с сарказмом.

Он еще в зале суда заметил, как подозрительно хорошо выглядит Лера. Новая, идеально в гармонии с овалом ее лица стрижка, необычный, хотя, как обычно, сдержанный макияж, и пла-

тье, казалось, ей подбирал стилист, четко настроенный на волну традиционных мужских предпочтений. Вроде бы и серое на цвет платье, средней длины, без всяких декольте, но Лера «звучала» в нем, как новая хитовая мелодия. Стройная, изящная и даже сексуальная... И для кого это, интересно знать, она вырядилась? Муж в заключении, чем закончится суд, неизвестно, а она расфуфырилась, как будто на свидание собралась. Мужа обратно за решетку, а она к своему Роме под крылышко?.. Или она уже провела с ним ночь, пользуясь моментом?..

– Рома?! – возмущенно заморгала Лера.

– Рома!

Она вдохнула воздух, набираясь решимости послать его лесом, но промолчала. Стронула машину с места, вырулила на дорогу, сосредоточив на ней все свое внимание. А внедорожник у нее солидный, и сама она в нем смотрелась эффектно, Гордеев заметил, как, проезжая мимо, глянул на него мужик из порядком подержанного «Фольксвагена» – хотел бы он поменяться местами с ним и оказаться в дорогой машине с красоткой-женой за рулем. Или с красоткой-любовницей?.. Лера еще не старая, и она запросто могла стать чьей-то любовницей. Или уже?..

– Подставляют меня, – стараясь сдерживать рвущуюся вовне ревность, сказал он. – Хотят утопить.

Лера молчала, сосредоточенно глядя на дорогу.

– Ты меня слышишь?

– Хотят утопить, – кивнула она.

– Кому это нужно?

– Кому?

– А если твоему Роме?

– Зачем?

– Меня – за решетку, а тебя – в постель.

– Не говори глупости!

– Ну, если у него к тебе чувства, почему бы не попробовать? – в поверхностном раздумье проговорил он. – И сама по себе ты вроде ничего, и бизнес у тебя свой... Думаю, твой бизнес не тронут...

Гордеев озадаченно ущипнул себя за кончик носа. В девяностых годах за экономические преступления штрафовали и даже сажали, но имущество не трогали, а сейчас, увы, суд запросто мог назначить конфискацию – в довесок к штрафу в каких-то восемьдесят тысяч рублей. Компанию, может, и не тронут, если до сестры не доберутся, а дома и машины отобрать могут. Непростое это дело, но под шумок резонансного дела возможно все...

– Зря ты на Рому думаешь... – покачала головой Лера. И косо глянув на него, сказала: – Да и не думаешь ты... Никому я не нужна – ни Роме, никому.

– Кто тебе такое сказал?

– Ты так думаешь.

– Не думаю.

– Не любишь ты меня. И никогда не любил. Я для тебя пустое место...

Гордеев глянул на жену с привычной для таких случаев насмешкой, требуя продолжения. Раз уж начала изливать обиды, пусть выговорится, может, легче станет. Но Лера, как обычно, махнула рукой – сколько ни говори, все равно ничего не изменится.

– Когда меня осудят, можешь развестись. – Он почувствовал, как в горле встал ком, перекрывая путь мыслям из сознания в душу.

Мысли о возможном разводе никогда не пугали его, напротив, иной раз этот вариант казался ему единственно возможным выходом из семейного капкана. Более того, он бы обязательно поднял этот вопрос, если бы жена вмешивалась в его личные дела на стороне. Но Лера вела себя тихо, как мышка, хотя все понимала... Она всегда была такой неконфликтной...

- А как же Ярослав? У него должен быть отец, – покачала головой она.
- Ярославу тринадцать, когда-нибудь он станет взрослым.
- Тогда и поговорим, – спокойно, без эмоций сказала Лера.
- О чем? – Гордеев непонимающе глянул на нее.

Не могла она столь будничным тоном говорить о разводе, не той она закваски. Семейные ценности для нее всегда стояли на первом месте, ради них она сносила его измены и дальше готова была продолжать в том же духе...

- О разводе.
- Ты серьезно?
- А тебе больше не о чем поговорить?
- Э-э... Ну да, заговорился, – согласился он.

Действительно, не в ту сторону его понесло. Возможно, Рома и обладал способностью подставить ему подножку, но зачем ему доводить дело до таких крайностей, как покушение на убийство сотрудника Следственного комитета? Зачем, если можно было поступить гораздо проще – проследить за ее мужем, установить видеокамеру в квартире у Риты, отснять постельную сцену и показать Лере. Она женщина спокойная, но впечатлительная, и это позволило бы Роме взять ее тепленькой... Не так уж все и сложно, если задаться целью...

И все-таки Ромой стоило бы заняться, но как определиться с очередностью? И помимо него есть кандидаты в подозреваемые, взять того же Федосова. Неспроста же он выдвинул предложение, от которого трудно было отказаться – особенно сейчас, после мощного удара под дых. И кто нанес удар, как не Федосов? Этим он и привлекательность своего предложения повысил, и обидчика наказал. Не надо было вести себя с ним так грубо...

– Топят меня, – сквозь зубы сказал Гордеев. – Как слепого котенка, топят. Я уже по уши в дерьме, а кто меня туда окунул, так и не понял... Если это не Федосов, то я не знаю, кто...

– Федосов?

– Да, мой прямой и самый наглый конкурент. И весовые категории у нас разные, он в тяжелом весе, я в среднем... Но я пытался его нокаутировать... Думаю, он мне отомстил... Есть возможность проверить, он или не он...

– Как?

– Он хочет купить мой бизнес. По рыночной цене. Завтра я поеду к нему и предложу сделку, посмотрим, как он отреагирует.

– А как он должен отреагировать? – деловито и даже сухо спросила Лера.

– Послать меня к черту. А потом позвонить и предложить половину.

– Почему?

– А потому что у меня безвыходное положение! Мне валить отсюда нужно! Продать все и валить!.. У нас есть квартира в Англии, там и поселимся! – Гордеев скривился, вспомнив о лондонской квартире.

Он давно уже готовил себя к мысли о побеге и соломки себе подстелил. Но именно соломки! Кто-то виллы и даже замки в Лондоне покупает, а он приобрел жалкую двушку в районе Канари Ворф. Сын там сейчас обитает, но ему много и не надо, а у него запросы посерьезней.

И счет заграничный у него имелся, но там и полумиллиона фунтов не наберется. Не разорять надо было этот счет, как он это делал, вкладывая в бизнес, а пополнять, но уже даже локти кусать поздно.

– Так в чем же дело? Пока есть возможность, возьмем билеты и улетим.

Гордеев громко цокнул языком, как будто сама досада кольнула его. Освобождение под залог – это запрет на выезд из страны, у него даже забрали на хранение заграничный паспорт. Если очень захотеть, можно обойти препоны, тем более в свое время он оформил второй загра-

ничный паспорт, там как раз и стояла открытая виза. И паспортный контроль в аэропорту можно обмануть, если захотеть... Все возможно, но стоит ли овчинка выделки?

– А бизнес? Он здесь без меня медным тазом накроется, тот же Федосов задавит... – Гордеев с хрустом сжал кулаки; бессильная злоба требовала выхода, но не находила его.

Поехать к Федосову и начистить физиономию? Но во-первых, ему намнут самому, а во-вторых, утопят по самую макушку, а он не мог допустить ни того, ни другого.

– Не слезут с меня. Пока не выведут из игры, не слезут. Выходить надо. И бизнес продавать. Хотя бы за полцены.

– Продай за полцены.

– Федосову?

– А есть варианты?

– Если быстро, то нет.

– А если он тебя обманет?

Гордеев снова сжал кулаки, на этот раз из его груди выкатилось утробное рычание, с каким сторожевой пес угрожает нападением. Федосов действительно мог обмануть, пользуясь безвыходностью положения.

– Если просто обманет, не страшно, главное, в кабалу не влезть, – в раздумье сказала Лера.

– Без ста граммов здесь не разберешься!

Хотелось бы, чтобы эта фраза прозвучала в мажорно-беспечном тоне, но, увы, ему не до шуток. И не сто граммов ему хотелось, а тупо надраться до полной невменяемости, скормить зеленому змию сомнения и страхи, заглянуть в глаза белой горячке и поделиться с ней своими соображениями.

Лера прибавила газу, машина, мягко впитывая в себя дорожные неровности, обогнала «Газель» с мигающими габаритными огнями, сошла с крайней правой полосы и припарковалась к бордюру под знаком. Стоянка запрещена, но возможный штраф за нарушения правил дорожного движения ее сейчас не пугал, да и он сам подумал о нем с горькой усмешкой.

Придорожный газон с затхлой травой перечеркивала наискосок тонкая, с комьями грязи на ней тропинка, Лера даже не задумывалась, идти по ней или нет. В обыденной ситуации она бы и под знаком не остановилась, а сейчас и газон в неполюженном месте пересекла, и в магазине переступила через себя – не постеснялась взять бутылку коньяка, запить и закусить к ней, с этой добычей и вернулась в машину.

– Ты правильно меня поняла, – вынимая пробку, поощрительно улыбнулся он.

– Тебе нужно успокоиться, – щелкнув ремнем безопасности, улыбнулась она.

– А тебе? – Он протянул ей бутылку.

Лера в раздумье пожала плечами, одной рукой она плавно провела по рулю, пальцами другой коснулась брелока на ключах. Нельзя ей пить, это даже не нарушение, а преступление. Но и Настя не должна была выпивать тогда, у Дворца культуры, в пьяной веселой компании, а она сначала портвейном накачалась, потом армянский коньяк сжег предохранители в ее голове, и Миша получил самую лучшую ночь в своей жизни. Лера не шла ни в какое сравнение с Настей, но, глядя на нее, Гордеев почему-то вспомнил тот давний, не истлевающий в памяти момент. И Лера как будто что-то почувствовала. Она взяла бутылку и, настороженно глядя ему в глаза, приложила к горлу; скривилась, сделав глоток, но конфету из коробки не взяла, хотя он предложил. Передала ему бутылку, провела внешней стороной ладони по губам и, глядя на дорожку сквозь слезящийся прищур, продолжила путь.

Он благодушно усмехнулся, глядя на жену, надо было голову ей подставить, пусть занюхает. Настя так делала... В тот вечер...

К Насте надо бы съездить, поговорить, узнать, какая вожжа сподвигла ее на выяснение отношений с Ритой. Но разве сейчас до нее?

Гордеев сделал несколько глотков, закусывать не стал – нарочно впустил сладкую, но резкую горечь в нос, поморщился, принимая ощущение. Достал из кармана пиджака сигарету, одну из двух, которые он стрельнул у адвоката, вжал в гнездо прикуриватель. Лера вопросительно повела бровью, он отмахнулся – не в его положении сейчас думать о здоровье. Как все наладится, так он и бросит курить, тем более это легко, если верить Марку Твену...

Он с наслаждением выкурил сигарету, смешивая табачный дым с глотками коньяка, ополовинил бутылку... Не до Насте ему сейчас, но разве она не близкий человек? С Лерой он делится своей бедой, советуется, может, и Настя подскажет что-нибудь умное? Может, бросит своего мужа и уедет с ним куда-нибудь в тмутаракань. Он согласен...

А как же Лера?

Он закинул голову, приставил к губам горлышко бутылки, остановился только на последней капле. Открыл окошко, собираясь выкинуть бутылку в придорожные кусты, но передумал. Нельзя же вести себя всю жизнь, как скотина!.. Бросил бутылку под ноги, откинулся в кресле, закрыл глаза. Немного подумав, отвел в сторону руку – в попытке накрыть ладонью коленку жены, но не дотянулся. Слишком широкая машина, в «семерке» все было гораздо проще. Он помнил, как положил руку Насте на ногу, как примял пальцами упругую нежность с внешней стороны ее бедра. Она тогда тихонько хихикнула, накрыла его ладонь своею, движение остановила, но руку не убрала. Он свернул с дороги, остановил машину в придорожных кустах, откинул пассажирское кресло, уложил Настю на спину, навалился на нее. Она звонко засмеялась, но тут же стихла под его поцелуем, закрыла глаза, расслабилась, настраиваясь на одну с ним волну. Целовалась Настя неумело, без особого желания, но скоро вошла во вкус, в ее движениях появилась страсть, она отдалась во власть ощущений, раздвинула ноги, высоко подняв их, пальцами уперлась в лобовое стекло, едва не выдавив его... Сколько раз они отдавались друг другу потом, но той, первой, высоты и остроты в ощущениях достичь так и не смогли, хотя и приближались вплотную. А с Лерой он и близко такого не испытывал, и не будет ничего, кроме жалкого пшика, а раз так, то лучше и не дергаться...

Но Лера вдруг свернула с шоссе на проселок, машину затрясло на рытвинах, за окном замелькали пышные шапки кустов, нависающие кроны деревьев, ветка с глянцевыми листьями упруго чиркнула по стеклу. Лера остановилась, заглушила мотор, порывистым движением рук взлохматила волосы, прищурил глаз, сдула с него локон, и так это забавно у нее вышло, что Гордеев заинтригованно улыбнулся, принимая эту игру.

А Лера перебралась на его половину, ловко нащупала рычажок сбоку от сиденья, опустила спинку. И брюки с него до колен спустила, и платье сняла. Бюстгальтер на ней стильный: прозрачные, в мельчайшую сеточку чашечки плотно облегли небольшие, но все еще упругие на вид и на ощупь объемности, украшенные коричневыми ягодками. Волосы у Леры распущены, глаза горят, губы трепещут в ожидании поцелуя, грудь в сексуальной обертке манит и зовет, но что-то здесь не так. Слишком уж она ловко управляется в машине – и его в два счета на лопатки уложила, и сама распоясалась одним махом, как будто не раз это проделывала, причем в своей же машине.

Тогда, двадцать с лишним лет назад, Настя тоже казалась порочной и погрязшей, возможно, она легла под него сразу после кого-то – возникала такая мысль. Но Настя не была его женой, и он еще не смел ее ревновать, а Лера должна хранить ему верность. Должна! Как бы ни относился он к ней, как бы ни чурался, должна – и точка!.. А она изменяла ему! С Ромой! В этой машине!..

– Сука! – Гордеев схватил ее рукой за горло, она вырвалась, схватила платье, в слезах выскочила из машины.

Он опомнился, пошел за ней, остановил, уговорил вернуться, даже извинился, но момент был упущен, и отыграть его назад не удалось. Да он, в общем-то, не очень и стремился. Дома он взялся за бутылку и не расставался, пока не заснул прямо в кресле – у холодного камина.

Глава 5

С одними девушками гуляют, на других женятся, так часто бывает, и Миша Гордеев поступил в точности с этим предубеждением. Сам он был человеком хоть и молодым, но солидным, степенным – высшее образование, хоть и маленькая, но вполне уважаемая должность в городской администрации. А работал он с очень важным человеком, который хоть и помыкал им, как мелким клерком, но видел в нем будущее, поэтому ввел в свой дом, познакомил с дочерью.

Настя жила весело, вольготно, беспечно – друзья, вечеринки, дискотеки. Окончила финансово-юридический техникум, но устраиваться на работу не торопилась – это же нужно рано вставать, весь день корпеть над бумагами, а молодой сон крепкий, бороться с ним трудно, особенно после веселой ночи, где и холодная выпивка была, и горячий секс. Спала Настя только с Мишей, во всяком случае, ни с кем она больше не встречалась, но сколько парней было среди ее знакомых, и почти все хотели с ней. Может, кто-то и заглядывал к ней домой на огонек, пока Миша протирает штаны в своем кабинете. А жизнь длинная, и за всем в ней не уследишь, так и будет она дальше наставлять ему рога. За тот год, который длился их роман, он ни разу не застал Настю с кем-либо в теплой интимной обстановке, но сомнения тем не менее только усиливались. Она сама была в этом виновата: не стоило ей вести себя развязно на людях – целоваться с друзьями, обниматься с ними – как при встрече, так и в медленных танцах. И выпить она могла, и грязно пошутить... А Лера была девушкой тихой, скромной, шумных компаний сторонилась, водку не хлестала, сальным анекдотам предпочитала дамские романы в глянцевого обложке. Блеклая, скучная, но спокойная, домашняя, слова лишнего не скажет. К тому же отец давал за нее блестящую карьеру и новый полуторазэтажный дом на дальней окраине города – с отделкой и обстановкой. А с Настей Миша мог обзавестись ветвистыми рогами – прибить их к стене над дверью, прицепив к ним чашу для плевков, вот и все счастье...

Он женился на Лере, но Насте об этом даже не сказал. Он собирался признаться после свадьбы. Они встретились, она села к нему в машину, Миша поцеловал ее, рука сама скользнула под подол платья, он должен был остановиться, но не смог. А потом он сказал, но Настя лишь усмехнулась. Оказывается, она все знала. Оказывается, ей было все равно.

Не любила его Настя, просто Миша был единственным, кто устраивал ее как парень для близких отношений, с ним она и отрывалась, оставаясь в душе девушкой общего пользования. Телом она была только с ним, а душой – со всеми. А душа хотела пить, петь и веселиться. Так она сказала, так он ее и понял. Они встретились на следующий день, хорошо провели время, потом еще и еще... Настю, казалось, устраивали такие отношения, а его и подавно, и все-таки все закончилось довольно скоро. В один совсем не прекрасный день она попросила его больше не звонить. Как оказалось, у нее появился новый парень «для близких отношений». За него Настя и вышла замуж. Поселилась в квартире у его родителей, родила девочку, с головой ушла в семейные проблемы.

Миша потихоньку шел своей дорогой – на нехитрых бюджетных махинациях сколотил капиталец, за полцены выкупил здание, в котором организовал салон бытовой и компьютерной техники. Сам он магазином заведовать не мог, поскольку работал в городской администрации, но директором и главным бухгалтером назначил проверенных людей. А главбуху понадобился помощник, и она предложила кандидатуру, которую Гордеев утвердил, не раздумывая. Так Настя попала в штат его предприятия, о чем он сам же ей и сказал. Оказывается, она и не знала, кому принадлежит салон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.